

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

ХЕРСОНЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЗАПОВЕДНИК

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
КРЫМОВЕДЕНИЯ

В И З А Н Т И Я И К Р Ы М

ПРОБЛЕМЫ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Тезисы докладов VIII научных Симпозиумских чтений

25 августа – 3 сентября 1995 года
(г. Севастополь)

Екатеринбург
1995

**Печатается по решению Ученого Совета
исторического факультета УрГУ**

**Византия и Крым: Проблемы городской культуры
(Тез.докл. VIII научных Сюзюмовских чтений.-
Препринт.**

© Уральский университет. Екатеринбург, 1995.- 47 с.

**Компьютерный набор выполнен в Лаборатории
Византийской археологии исторического
факультета УрГУ**

Сайко Э.В.

Москва

**ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ В СЛОЖЕНИИ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(В КРУГУ ВИЗАНТИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ)**

Усиление внимания к вопросам городской культуры объективно обусловлено как накоплением материала о ней, его многообразием, так и актуализацией в археологии общих проблем города и появлением новых подходов к их решению. Углубляются проблемы города как сложного организма, воспроизводящего культурные традиции общества и адаптирующего, трансформирующего внесенное новое; формируется проблема субъекта (горожанина городского общества, самого города) в действия, реально обеспечивающего характеристики, содержание, потенциал городской культуры. Появляются новые аспекты в изучении города, городской культуры: не только по отдельным материальным объектам как фактов ее, но и "через субъекта" на основании реконструкции структуры и содержания деятельности горожан. В последней формируются особые "субъективные характеристики" конкретного города в его связях с другими городами и структурами. Город обеспечивает многообразие деятельности в ее интегрированной целостности. И культура представляет собой особый своего рода "срез целостности... его деятельности" (Библер). И по-разному и в разной степени представленная и развитая в разных городах городская культура несет характеристики целостности всей культуры определенного культурно-исторического пространства, транслируемой в наибольшей степени крупными городскими центрами, связанными с наибольшим разнообразием деятельности, наиболее четко самоопределившихся в этой деятельности субъектов. Такого рода мощным коммулирующим, интегрирующим и трансформирующим все достижения городской культуры центром был, например, в течение длительного времени Константинополь.

Пространство действия византийской городской культуры выходило далеко за пределы границ собственно Византии, прессингуя или оказывая более или менее глубокое влияние на развитие городской культуры входивших в сферу ее "действия" областей не только в силу политической значимости империи, но и объективно сформирован-

ной высокой для своего времени плотности функционирующих в ней урбанистических структур и общего потенциала и в целом развитости всей урбанизационной среды (для IX - XII вв.) . Степень и структура процесса принятия городом-"приемником" от донора элементов городской культуры определялись не только всей сложностью исторической ситуации взаимодействия "контактирующих" объектов, географическим положением сторон и т.д., но и способностью восприятия влияния, действия их конкретным субъектом (горожанином, городом и т.д.). Последнее определялось во многом характером и глубиной дифференциации и специализации его деятельности, спектром потребностей (что учитывается слабо), а также особенностями реализации урбанизационной среды и функционирования местных урбанистических структур.

Крым, включенный с древних времен в систему отношений ведущих стран, империй "выполнял" разные уровни освоения и присвоения импортируемых и инъецируемых элементов городской культуры. Это внедрение городской культуры (греческая колонизация). Это влияние, в разной степени адаптация или совмещение (при достаточно устойчивой сформированности структуры деятельности населения) местной культуры и элементов городской культуры стадийно тождественных, но разных по уровню развития и, естественно, по степени и возможности действия городов Византии и России и одновременно при соответствующем прессинге периферии. Это, далее, включение городов Крыма в систему новых отношений при внедрении новых форм и видов деятельности в расширении потребностей сферы субъектов города в период господства Золотой Орды и функционировании генуэзских колоний. Изучение особенностей развития городской культуры на основе опосредованной реконструкции состава, содержания, дифференциации и специализации деятельности горожан, изменения их потребностной среды, то есть того, что в значительной степени определяло необходимость и, главное, возможность формирования своих и освоения импорта "культурных структур" и элементов (от памятников высокого искусства до предметов быта и поведения) приобретают, как представляется, свой особый смысл в раскрытии условий, характера, механизмов накопления культурных традиций и введения новых компонентов и форм городской культуры средневековыми горожанами.

Ченцова В.Г.

Москва

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ГОРОДОВ ГРЕЦИИ В XIII-XIV ВВ. ПО ДАННЫМ ПРОСОПОГРАФИИ ВЕНЕЦИАНСКОГО КУПЧЕСТВА

Изучение этнического и социального состава купчества на провинциальных рынках Восточного Средиземноморья - в частности на землях Византийской империи и территориях Латинской и Венецианской Романии, некогда входивших в ее состав - имеет свою специфику. Для крупнейших центров международной торговли Средиземноморья и Причерноморья такое исследование может быть осуществлено по компактным источникам, прежде всего картуляриям нотариальных актов, состава купчества и особенностей его предпринимательской деятельности. Как правило и в источниках, и в исследованиях эти центры находятся в фокусе внимания при изучении вопроса о воздействии торговли на местную экономику, вопроса, который давно является дискуссионным. Возможно, однако, не только выявить особенности этого воздействия по данным о крупных средиземноморских рынках, но и учесть связи этих торговых центров с периферией, определить роль иноземной торговли на провинциальных рынках. Этим и был продиктован выбор для изучения Греции - региона, который может считаться "периферией" по сравнению с такими центрами, как Константинополь, Трапезунд, Фамагуста, Александрия.

Однако изучение периферии наталкивается на сложности с подбором необходимых сведений источников. Неизобилие источников требует поиска новой методики для получения по разрозненным данным нужной информации. Это и было причиной обращения к анализу просопографического материала о венецианских купцах в Греции. Просопографические исследования, как показали работы ряда ученых, могут дать ответ на многие вопросы, существенные для понимания специфики торговли.

Нам удалось выявить в источниках сведения о 667 купцах, осуществлявших торговые операции в городах Греции (из них 55,5% известны до 1300 года и 44,5 - в XIV-XV вв.). Лица, названные в тексте источников резидентами (*habitatores* и *burgenses*) городов

Греции, Негропонта и Кипра, составляют около 30 . Определение по такой выборке особенностей, свойственных группе, не всегда надежно, так как применение количественных методов анализа требует большего числа однотипных данных. Поэтому сделанные наблюдения можно считать предположительными и предварительными результатами исследования.

Круг лиц, участвовавших в торговле в Греции (в данном случае мы не имеем в виду тех, кто посещал порты Греции, особенно Венецианской Романии, транзитом), был довольно ограниченным. Не случайно, что когда речь идет о торговле в городах Греции, ущербе, нанесенном там венецианским купцам, в источниках часто совпадения и имени, и патронима купца, что позволяет идентифицировать ряд лиц по разным источникам и сделать заключение о постоянстве их торговых связей в этой области (такие созпадения, позволяющие проследить жизненный путь некоторых купцов, отмечались и другими исследователями). Поездки из города Греции, специально оговоренные в документах, были не случайными и не транзитными: одни и те же лица или члены одних и тех же семей постоянно отправлялись в эти города, что подтверждается по горячности данных о присутствии там членов одних и тех же семей или даже одних и тех же лиц.

На постоянные коммерческие связи в этом регионе указывают данные о тесном взаимодействии членов семей де Ниола и Веньер с купцами-жителями Негропонта и о переселении представителей этих родов на остров. Да Понте вели торговлю в Греции и Эгеиде, но среди членов этой семьи есть и резидент Акры, посещавший Кипр, и резидент Кандии, занимавшийся вместе со своими партнерами-греками торговлей между Ани, Дамьеттой и Критом. В семье Басейо были лица, торговавшие и в Греции (Афины, Негропонт, Фессалоники), и в Причерноморье. Представители семей Морозини, Тревизан, Да Молин, Микьель, Контарини, Ломбардо, Санудо вели торговлю в той или иной области Средиземноморья и Причерноморья, осуществляя опосредованные связи между регионами через Венецию. Это отчасти объясняет причину редкости указаний на прямые торговые связи между городами Леванта, Понта и Балканского полуострова. Присутствие членов одной семьи в разных торговых центрах Средиземноморья ("феномен дисперсии", по выражению Д.Якоби) способствовало установлению широких коммерческих связей, их упорядоченности, постоянству и надежности. Такого рода цепочки наглядно свидетельствуют о тесных

партнерских и семейных связях купцов между собой. Весьма разветвленные деловые связи выводят нас на один и тот же круг лиц (причем эти отношения восстанавливаются не только для тех семей, история которых хорошо документирована, как история семей де Ниола и Веньер, но и для менее известных представителей делового мира). Просопографические данные, позволяющие частично восстановить биографии купцов, дают возможность выявить картину не только прямых, но и опосредованных связей. Одни и те же лица, во всяком случае члены одних и тех же семей, постоянно посещали Константинополь, причерноморские и левантийские города, Крит и острова Эгиды, а также порты Греции, замыкая всю разветвленную систему связей в венецианской лагуне.

Козлов А.С.
Екатеринбург

ПОНИМАНИЕ ОРТОДОКСИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ IV ВЕКА

Как отмечал К.Нэтликс, различия в восприятии учения Иисуса создавали поле напряжения, в котором кристаллизовалось понимание обязательной ортодоксии. Одним из способов достижения этого понимания являлась аргументация с помощью Писания и ссылок на теологическую традицию. Но такие методы развивались параллельно и с подавлением разномыслия, трактуемого как ереси. С Константина I, как признают фактически все исследователи, во внутрицерковные споры по поводу понимания ортодоксии и составления списка ересей оказались втянуты и императоры. Тем самым такого рода проблематика неизбежно становилась предметом законодательного творчества.

Возможно, что уже в 315 г., защищая карфагенского епископа Цецилиана от нападок донатистов, Константин поддерживал мнение относительно ортодоксальности католической церкви, ибо та распространилась по всему миру. Подобный "количественный" критерий определения ортодоксии весьма соответствовал актуальному для властей стремлению добиться церковного единства. Никейский же собор формулировкой символа веры дал законодательству возможность апелляции к критериям более емким и формальным, ежели речь шла о

правоверии. Однако первое четкое воплощение названных выше подходов обнаруживается в указе Валентиниана I от 373 г., фиксирующего тот факт, что перекрещенчество донатистов прегрешает против *instituta omnium*. Как видим, законодатели, отражая очевидно общую тенденцию отношения правительства к подобному вопросу, топтались в попытках его решения половину века. Недаром Грациан, издавая в 377 г. указ против практики перекрещенчества, апеллировал не только к евангелию и некоей традиции, но и к постановлениям Константина, Констанция и Валентиниана I. Однако постановления эти вряд ли отличались чем-то друг от друга, так как от них сохранился фактически лишь вышеупомянутый указ Валентиниана. Что же касается "традиции", взятой в качестве аргумента-критерия, то содержание ее опять-таки вряд ли выходило за пределы апелляции к "всеобщности", "количественности" и весьма зыбкой "стародавности".

Решающий шаг в развитии понимания ортодоксии на законодательном уровне был сделан Феодосием I. Правда решался этот вопрос уже не на материале перекрещенчества, а в полемике о Троице. В законе 380 г. Феодосий еще традиционен: критерием правоверия являются *apostolica disciplina*, традиция и евангелия. Но одновременно появляется и новый критерий - апелляция к пониманию правоверия двумя здравствующими епископами, Дамасом Римским и Петром Александрийским. Сам же вопрос о содержании правоверия продолжал оставаться в общем неопределенным; на него указывала лишь формулировка "будем верить в единое Божество Отца, Сына и Святого Духа в равном величестве и Святой Троице". Таким образом, решающим теологическим критерием ортодоксальности для Феодосия I становилась Божественность Христа и Святого Духа, иначе говоря - именно та формулировка, на которой энергичнее всех настаивали каппадокийцы, отражая идейный настрой верхушки значительной части городов Малой Азии и в определенной мере - Балкан.

В законе от 6 января 381 г. император уточнил свою позицию, уточняя понимание Троицы в духе Никейского символа веры и подчеркивая троичность Божества и его единство в "*indivisa substantia*".

Однако уже в законе 382 г. законодатель "скатывается" к неясным формулировкам указа 380 г. Правда Константинопольский собор даром не прошел: император смог в законе 382 г. апеллировать к одиннадцати епископам, способным доказать свое правоверие. Иначе говоря, хотя Феодосий и "обжегся" на Петре Александрийском, назвав

его в 380 г. ортодоксон, методика императора в определении правоверия не изменилась.

Таким образом, законодательная власть в понимании ортодоксии не могла осилить теологические трудности IV в. Скорее всего здесь сказались и идеологическая гетерогенность городского населения, особенно верхушки городов, к которой был вынужден апеллировать Феодосий в самом начале своего правления и на которую он непрерывно оглядывался в своей внутренней и внешней политике.

Чекалова А.А.

Москва

**ОБРАЗ ВИЗАНТИЙСКОЙ АРИСТОКРАТКИ НАЧАЛА VI В.
(ЮЛИАНА АНИЦИИ И ЕЕ ЭВЕРГЕТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ)**

Говоря об Юлиане Аниции, исследователи, как правило, подчеркивают ее принадлежность к старинному римскому роду Анициев. Однако изучение ее родословной показывает, что она являлась в известной степени, характерной представительницей ранневизантийской сенаторской аристократии, ибо в ее жилах смешалась кровь родовой римской знати, одного из императорских семей (Феодосия I), служилой аристократии и интеллектуальной элиты ранней Византии. Ее мужем был магистр милитум 503-504 гг., консул 506 г. Флавий Ареобинд Дагалаиф Ареобинд, являвшийся отпрыском двух видных варварских семей - знаменитого полководца Аспара, алана по происхождению и гота, Флавия Ареобинда, магистра милитум 434-449 гг.

Миниатюрный портрет Юлианы Аниции, сохранившийся в рукописи медицинского трактата Диоскорида, выполненной по ее заказу, отражает представления этой аристократки о самой себе и о своей роли в обществе, как она ее понимала. Миниатюра изображает Юлиану как видную покровительницу науки, архитектуры и искусства. По другим источникам известно, что Юлиана в самом деле расширила, основала и украсила несколько храмов в Константинополе и его округе. Наиболее знаменитым из них был храм св.Полиевкта, сооруженный в квартале, принадлежавшем самой Юлиане. Как показал М.Харрисон, ведший раскопки этой церкви, храм создавался в подражание

знаменитому храму Соломона.

Из надписи в храме, дошедшей до нас в *Antologia Palatina*, явствует, что не только царя Соломона чтила видная аристократка. Наряду с иудейским царем, предметами ее поклонения являлись основатель Константинополя император Константин I, прадед Юлианы император Феодосий II и его супруга, дочь афинского ритора Леонтия Афинаида-Евдокия, известная своей образованностью и широкой благотворительностью. Все эти властители прославились своей крупной строительной деятельностью. Что до Феодосия II и Афинаиды-Евдокии, то оба они известны не только своими сооружениями, но и своей приверженностью религии и науке. Именно в их правление был основан Константинопольский университет.

Суммируя, можно сказать, что наиболее важными ценностями в жизни Юлиана Аниция считала, как и многие другие константинопольские аристократы, считала близость к императорской власти, активное участие в жизни общества (в том числе и в религиозной сфере) и эвергетическую деятельность. Добавим также, что эта дама, будучи искренней христианкой, бесстрашно отстаивавшей православие в период правления императора-монотеиста Анастасия, отнюдь не обладала христианским смирением и не желала, чтобы ее благодеяния остались бы неизвестными. Напротив, она все делала для того, чтобы увековечить себя в памяти грядущих поколений.

Красиков С.В.

Екатеринбург

МЕГАЛОПОЛИС В "РИМСКОЙ ИСТОРИИ" НИКИФОРА ГРИГОРИ

Константинополь - центральная сцена того "всенародного театра ойкумены", где разворачивает свое действие истории Никифора Григоры. Сдержанный, как того требует традиция в описании иных сцен, Григоря проникнут и очарован духом мегалополиса (Greg. I. P. 305.1).

Город дает автору образы для выражения и оценки духовной реальности. "Гавнина разрушений" (P. 88.1) с заброшенными дворцами, покрытыми пылью и копотью (P. 87.23-24), сокрушаемыми землетрясе-

ниями, наводнениями, блокадами и мятежами - мрачное представление судьбы ромеев. Город - неиссякаемый источник символов. Разрушенные дворцы используются как отхожие места (Р. 568.8-10). Прекраснейшие здания стали "игрушкой порчи и разрушения" (Р. 568.16-17). "Словно игральная кость перевернулась", - не раз повторяет историк (Р. 352.24). Город - оракул, предостерегающий ржанием нарисованной лошади (Р. 304.9-11), падением или колебанием колонн (Р. 9-13).

Но Григора интересует городом и как ученый, интеллектуал и эстет. Присутствуя при реставрации гигантской статуи, он не упускает редкий случай насладиться удивительным зрелищем, "высмотреть и вычислить все во всех подробностях" (Р. 276.15-24), сообщая "как очевидец" точные размеры памятника (Р. 277.5-16), не скрывая однако, что колонну под статуей вместо прежней меди покрыли прочной штукатуркой. Историк воздает хвалу Андронику II за восстановление города, подчеркивая, что такие работы стоят дороже новых построек и, следовательно, не роняют престижа правителя (Р. 274). Упоминая о реставрации монастыря Хоры Федором Метохитом, Григора посвящает краткий пассаж истории монастырских строений от Кстиниана до Метохита (Р. 459.2-15). Восприятие города как памятника прошлого может свидетельствовать о зарождении нового эстетического сознания. Хотя, понятие "великолепного" у Григоры, часто соседствуя с описанием грандиозных размеров и больших трат, еще носит оттенок средневекового мирозерцания, когда красивым считалось чаще всего богатое (Жак Ле Гофф).

Кроме того, город для историка - жизненная среда, повседневность, встречающая его "в домах, на рынках, у ворот и повсюду..." (Р. 446.7-8). Городской быт естественно вплетен в повествование, характеризуя почти все слои населения: от "золотой молодежи", тревожащей своими кутежами покой горожан (Р. 183.15-17) до базарного люда и поденщиков Галаты, возмущенных прекращением ежедневной торговли (Р. 528.18-21). Столичная жизнь в описании Григоры лишена прежнего блеска. Прачки, не встречая обычного запрета, стирают белье прямо во дворце старого царя, а соседи используют его двор для выпаса домашних животных и птицы (Р. 431.22 - 432.2). Некоторые сюжеты исполнены своеобразного юмора. Патриарх Исайя прибывает в сопровождении веселой процессии под хохот и пошлые шутки (Р. 424.22 - 425.11). Вернувшийся из тюрьмы Метохит

с удивлением узнает, что предприимчивые сограждане реализовали даже фундамент его дома, подарив его владельцу западных скифов (Р. 459.23-25). Обыденная жизнь мегалополиса как "мощная и приятная весенняя поросль" (Р. 274.17-18) пробивается сквозь развалины.

Все три взаимопроникающих восприятия города - образно-символическое, интеллектуально-эстетическое и бытовое - создают яркую и полнокровную картину средневекового Константинополя.

Мандровская В.С.

С.-Петербург

ЧТО ИЗВЕСТНО О ПРОТЕВОНАХ ?

Протевоны - одна из знатных византийских фамилий, представители которых занимали гражданские и военные должности в государстве в X - XI вв. Патроним "Протевон" восходит к названию должности (о должности "протевон" в связи с самоуправлением Херсона см. работы И.В.Соколовой).

Протевоны известны как по сведениям нарративных источников, так и благодаря данным сфрагистических памятников. Первое упоминание родового имени встречается при описании событий, происходящих в феме Пелопоннес в период правления императора Романа I Лакапина (920-944): Константин Багрянородный в сочинении "Об управлении империей" называет Иоанна Протевона, протоспафария и стратига Пелопоннеса.

О Никифоре Протевоне, правителе Болгарии, сообщает Скилица, Зонара, Михаил Атталиат, касаясь обстановки, сложившейся накануне смерти императора Константина IX Мономаха. Никифор был избран преемником василевса, однако потерпел неудачу.

С деятельностью еще двух членов семьи Протевонов - Феодора и Георгия (?) дают возможность ознакомиться только печати. Феодор Протевон выступает заказчиком целого ряда печатей XI в. (см. публикации В.Лорана). Он - протоспафарий и судья фемы Арменияков; протоспафарий и судья Кивирреотов; протоспафарий, судья вила и квестор; патрикий и судья вила. Ему принадлежит также метрическая печать с указанием его личного и родового имени, сохранившаяся в

нескольких экземплярах (коллекция Эрмитажа, ГИМа, Сейрига).

В Эрмитаже хранится печать с именем Григория (?) Протево́на, императорского протоспафария и стратига (второй экз. известен по негативу Херсонесского заповедника, местонахождение самой печати не установлено). Печать восполняет число моливдовулов стратигов Херсона, игравших важную роль в жизни византийского города в X - XI вв. (печати изданы И.В.Соколовой).

Ознакомление с печатями Феодора и Георгия (?) Протево́нов позволяет вновь убедиться в значении сфрагистического материала как исторического источника. Раскрытие судеб представителей семьи Протево́нов, относящихся к господствующему классу Византии X - XI вв., вписывает новую страницу в византийскую просопографию, далеко неполную в настоящее время.

Степанова Е.В.

С.-Петербург

К ВОПРОСУ О СУДАКСКОМ АРХИВЕ ПЕЧАТЕЙ

С 1977 г. в г.Судаке (Крым) стали находить свинцовые печати. Так как место находок ограничено небольшой площадью, можно говорить о том, что эти печати некогда составляли единый архив. Обнаружение архива - явление чрезвычайно редкое: на территории Крыма это первый случай. До 1993 г. уже было обнаружено более 400 печатей и заготовок. Несмотря на очень плохую сохранность материала, часть печатей была прочитана В.С.Шандровской. Среди них печати коммеркиариев аптеки Онориады, Пафлагонии и вдоль морского побережья до Трапезунда (720-741 гг.), императорских коммеркий богохранилища императорского Опсикия (745/746 гг.); печати главных логофетов (IX - I половина XI вв.); стратига Фракисийской фемы (XI в.), архонтов Херсона (IX в.) и стратига Херсона (?) X в. и др.

1993-1994 гг. принесли новые находки. Всего было обнаружено более 40 печатей. Несмотря на такую же плохую сохранность удалось прочитать печати, касающиеся администрации Сугдеи (печать протоспафария и стратига Сугдеи (?)... (XI - начала XII вв.); архиепископии (Петра архиепископа Сугдеи, IX в.).

Кроме того найдены:

- 1) печать императорского спафария и стратига Анатолии (IX в.) Очень интересна, но требует отдельного рассмотрения.
- 2) три печати архонтов Херсона (IX в.), одна из них принадлежит Григоре (печати другой матрицы были опубликованы И.В.Соколовой, Г.Заком - А.Веглери, Н.П.Лихачевым).
- 3) три печати главных логофетов (две из них - IX в., одна - X - первой половины XI в.).
- 4) четыре печати с монограммами, надписями раннего времени VII - начала VIII вв.

Вместе с печатями была найдена свинцовая тессера (или, как считает Ф.Грирсон, монета) 1092 г. с изображением на обеих сторонах Христа, императора Иоанна, императора Алексея I Комнина и императрицы Ирины.

Уже сейчас находящийся в распоряжении материал позволяет поставить ряд вопросов, решение которых имеет большое значение для истории средневековой Сугдеи.

1. Архив византийских печатей существовал очень длительное время с VII по XI (может быть, начало XII в.). Само возникновение и пополнение этого архива было возможно только при условии постоянного византийского присутствия в Сугдее. В этом случае важно проследить, как это согласуется с утверждением о полном доминировании хазар со второй половины IX в. до середины X в. Безусловный интерес вызывает также вопрос об обилии печатей главных логофетов IX - X вв.

2. Сфрагистический материал дает возможность рассмотреть вопрос об экономических и политических связях Сугдеи. Судя по содержанию легенд печатей, Сугдея наиболее тесно была связана с Херсоном, что совершенно естественно, а также с прибрежными территориями Черного и Средиземного морей (товары везли с южного побережья Черного моря, а политические связи распространялись еще дальше).

3. При правильном прочтении надписи печати Сугдеи в XI в. (а, возможно, раньше) имела стратига и, может быть, была фемой. Это чрезвычайно важный факт, который вписывается в общую тенденцию развития феодального строя в Византии. Так, например, же "Эскуриальный тактикон" (971-975 гг.) фиксирует резкое увеличение численности стратигов преимущественно небольших фем и городов.

4. Требует дальнейшего выяснения вопрос о характере византийского учреждения, при котором складывался архив печатей, функция его и их возможных изменениях в течение времени.

5. Дальнейшее исследование затронутых вопросов поможет более точно определить роль Сугдеи в средневековой Таврике.

Заливалова Л.Н., Лебедева Г.Е.

Кострома, С.-Петербург

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ РУДАКОВ И ЕГО ВРЕМЯ (К ИЗУЧЕНИЮ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ИСТОРИКА)

Александр Петрович Рудаков, автор "Очерков византийской культуры по данным греческой агиографии" (М., 1917), принадлежит к числу тех редких ученых, научный вклад, профессионализм и исследовательский авторитет которых прошли проверку временем. Мы считаем, что заслуживают пристального внимания не только научные достижения Александра Петровича, но и вся та атмосфера, в которой закладывались основы его творческой личности, вобравшей в себя лучшие традиции отечественной научной интеллигенции.

Становление и расцвет научной деятельности А.П.Рудакова совпали с тем периодом развития отечественной и зарубежной науки начала XX в., который обычно именуется в историографии как "период кризиса". Для этого времени характерно то, что продолжали сохранять силу течения, в той или иной степени связанные с изучением экономической, политической, социальной истории в русле традиционных школ и направлений второй половины XIX в, в то же время - пробивали дорогу тем, что провозглашали необходимость переосмысления теоретических основ прежних подходов при интерпретации исторического материала. Среди последних наибольшую активность проявляли немецкие ученые, особенно М.Вебер, Эд.Майер, Г.Риккерт. Именно их концепции и подходы к оценке исторических явлений вызвали пристальный и, как сегодня видим, устойчивый интерес во всех европейских исторических школах.

В отечественно исторической мысли начала XX в. также наблюдался "кризис", который можно рассматривать однако и как на-

чало нового этапа ее развития. Молодое поколение исследователей не могло не учитывать, с одной стороны, уже имевшихся достижений в изучении многих проблем истории европейского средневековья и византистики, в первую очередь экономических, социально-политических. С другой, - новых подходов, предлагаемых для углубленного понимания исторических явлений, интерпретации фактического материала источников, база которых к этому времени значительно расширилась в связи с их массовой публикацией.

На основании имеющихся архивных материалов можно предположить, что наибольшую роль в формировании научных интересов А.П.Рудакова сыграли выдающиеся русские ученые В.И.Герье и П.Г.Виноградов. Владимир Иванович Герье был одним из первых представителей культурно-исторического направления в русской недовизистике, проявившего себя в конце XIX - начале XX в. По-видимому, интерес Александра Петровича Рудакова к религиозной проблематике, "исторической роли средневекового католицизма" идет от В.И.Герье.

В письмах А.П.Рудакова, адресованных В.И.Герье, мы читаем: "... более всего влечет меня та дейная основа католической церкви, те ее учения о мире и человечестве, церкви и государстве, которые господствовали над умами средневекового общества и обуславливали уже все остальное", и далее: "... все более склоняюсь на сторону культурной истории и даже, определеннее говоря, в сторону истории идей и общественной психологии". Представления Александра Петровича о том, что изучение истории культуры, истории идей не может быть оторвано для историка от реалий экономической, политической и социальной жизни общества, сформировалось непосредственно под влиянием Павла Гавриловича Виноградова, которого он считал своим учителем и другом.

Методика исследования источников была усвоена А.П.Рудаковым в семинарах В.И.Герье и П.Г.Виноградова в годы учебы в университете. Эти семинары, где преподавание основывалось на углубленном изучении разных типов источников, стали хорошей школой исследовательского мастерства для молодого историка. Как известно, научные труды П.Г.Виноградова до сих пор остаются образцом scrupulousного исследования исторического материала.

О непосредственных контактах Александра Петровича с византистами известно пока немного. Сохранились письма его к знатоку

средневековых византийских источников и литературы Х.М.Лопареву, ученику академика В.Г.Васильевского, также, письма к А.И.Соболевскому, который имел широкие научные контакты с византиноведомы. Везде речь идет только о планах самого Александра Петровича Рудакова. Однако, влияние научных трудов русских и зарубежных византинистов на творчество ученого несомненно.

В 1990 г. А. П.Рудаков окончил Московский университет с дипломом первой степени. Прослушанные им в университете курсы свидетельствуют о большом интересе к истории литературы, социальных и политических учений, проблемам права, быта и культуры. П.Г.Виноградов написал два ходатайства об оставлении А.П.Рудакова в Московском университете для подготовки к получению профессорского звания по кафедре всеобщей истории. В одном из них мы читаем: "А.П.Рудаков обладает необыкновенной начитанностью, огромным трудолюбием и жадностью знания. В своих письменных работах и при обсуждении рефератов он обнаружил незаурядную наблюдательность и способность обращения с историческими фактами". В сохранившихся отчетах за эти годы на заседаниях Основного отдела комитета Министерства народного просвещения учителя А.П.Рудакова давали самую высокую оценку его научным занятиям.

Обращение А. П.Рудакова к изучению проблем византийской культуры, по-видимому, было связано с тем, что целостное представление о процессах европейской средневековой культуры казалось ему невозможным без понимания византийской культурной истории. Он прекрасно знал материал поздней античности и раннего средневековья, испытывал к нему постоянный интерес. Возможно, его привлекало и то, что проблемы культуры Византии, которая в большей степени, чем европейская, сохранила истинно античные, точнее позднеантичные, традиции, оставалась в то время вне сферы особого внимания историков, исключая исследователей памятников искусства.

А.П.Рудаков построил свою исследовательскую работу на массовом агиографическом материале. В русской науке уже был опыт использования таких памятников в работах московских историков В.О.Ключевского и Н.П.Барсукова, которые, несомненно, хорошо знал А. П. Рудаков. В византинистике конца XIX - начала XX в. труды академика В.Г.Васильевского показывали возможность соотнесения данных агиографии с реальной исторической действительностью, отраженной в других источниках, и наглядно свидетельствовали, что

жития могут служить источником для освещения разнообразных проблем. Х.М.Лопарев, собравший огромный агиографический материал VI-II-IX вв., выбрал путь углубленной источниковедческой его обработки. В церковной историографии России жития не были предметом исторического изучения. Заслуга А.П.Рудакова заключалась в том, что он первым в мировой византистике использовал массовый агиографический материал для изучения именно культурно-исторических проблем Византии и теоретически осмыслил полученные им данные. Ученый классифицировал жития по географическому принципу, отметив, что особенно важный и интересный материал происходил из областей Малой Азии - "главной и богатейшей области византийской культуры". Особый интерес у него вызвали "жития и чудеса легендарного характера", которые возведены "в общий повторяющийся тип чуда" и значение которых в том, что они отражали "уже не единичные бытовые явления, а общие, сознаваемые рассказчиком, как типичные". Действительно, этот тип агиографии давал богатую картину жизни византийского общества, в отличие, например, от житий и биографий знаменитых церковных деятелей, где больше внимания уделено сюжетам церковно-историческим. В "Очерках..." понятие "культуры" у А.П.Рудакова нередко расширено и доходит до изучения "общества": "... история культуры, иначе говоря, изучение различных сторон материального и духовного быта прошлого, в их органическом взаимоотношающем сплетении друг с другом." По его мнению, "культурно-историческое исследование должно занимать византиста."

Обычно авторы, которые обращались в своих работах к "Очеркам", отмечали негативные стороны труда А.П.Рудакова, известную статичность изображения византийской действительности, критиковали его взгляды, согласно которым на протяжении всей истории Византии "ее общественный строй не претерпевал никаких изменений, и византийское общество представляло собой образец застоя и косности". И эта критика справедлива. Тем не менее, хотелось бы заметить, что для А.П.Рудакова, занимавшегося прежде всего вопросами византийской культуры, акцентирование такого рода "статичности" выступало средством для выявления в византийской действительности наиболее устойчивых, стержневых элементов, связанных не только с конкретно-исторической ситуацией, сколько с духовными ценностями, традициями общества, которые, как известно, изменяются очень мед-

ленно. Знания исследователя, его талант высоко ценили крупнейшие наши византинисты. Ф.И.Успенский в 1920-е гг. привлекал ученого как "знатока византийской литературы" к работе в византийско-русской словарной комиссии Академии наук. Из письма А.П.Рудакова к В.Э.Регелю мы узнаем, что он получил приглашение быть постоянным сотрудником "Византийского обозрения". Однако сведениями о реальном участии его в работе этих научных организаций мы не располагаем. А.П.Рудаков понимал свою "невысказанность" в круг тех проблем, которыми занимались русские византинисты начала XX века и это обстоятельство, по-видимому, обуславливало то, что он держался обособленно.

Появление такого исследователя как А.П.Рудаков в отечественной науке начала XX в. не было случайным. Он остро воспринял новое в исторической мысли своего времени, но в то же время, традиции русской исторической школы удерживали его от модернизации исторических процессов. Актуальность тех проблем, исследованием которых он занимался еще в начале XX в., в полной мере была оценена историографией несколькими десятилетиями спустя.

*Степаненко В.П.
Екатеринбург*

**МИХАИЛ КАТАКАЛОН, ИМПЕРАТОРСКИЙ КУРАТОР МАНЦИКЕРТА
И ВНУТРЕННЕЙ ИВЕРИИ: (К СТРУКТУРЕ "БОЛЬШОЙ" ФЕМЫ ИВЕРИИ)**

В 1985 и 1987 гг. Н.Икономидис опубликовал моливдовул Михаила Катафлорона из собрания Думбартон Окса. Исследователь предложил свою интерпретацию топонимических указаний надписи моливдовула и поставил ряд вопросов, связанных с локализацией Внутренней Иверии:

1. Внутренняя Иверия расположена вблизи Манцикерта и не тождественна области Тайк, которая единственно может считаться фемой Иверия, и менее всего с Северной Иверией, которую Скилица называет "Более Внутренняя Иверия".

2. Михаил был куратором императорских имений в Манцикерте и Внутренней Иверии.

3. Использование термина Иверия для обозначения армяноязычного района свидетельствует, что речь идет об иверах - армянах-халкедонитах.

4. Южнее Иверии-Тайка и одновременно с ним существовал другой административный округ Внутренняя Иверия, находящийся в руках армян-халкедонитов.

5. Знаменитое иверское войско, которое упразднил Лев Сергий в первые годы правления Константина Мономаха, находилось именно в этой Внутренней Иверии, но не в Иверии-Тайке. так как в результате реформ здесь появились императорские куратории.

На наш взгляд, ряд проблем поставлен здесь вполне закономерно, в частности, вопросы о структуре "большой" феи Иверия и о локализации Внутренней Иверии. В то же время тезис о существовании двух Иверий вызывает возражения и может быть опровергнут.

Фея Иверия в своем территориальном развитии прошла несколько этапов. К 976 г., судя по "Тактикону Икономидиса", на территориях, позже вошедших в ее состав, существовали "Малые" феи - Феодосиополь, Цилиаперт, Хавчик, Мардали, Арци и, быть может, Окоми. В 976 г. они были переданы в пожизненное владение владельцу Тао Багратиду Давиду Куропалату, как и верховные права империи на район Апахуник с Манцикертом, принадлежавший тогда эмирату Мерванидов Диар Бакра.

В 986 г. Давид принял участие в мятеже Варды Фоки и под угрозой применения силы был вынужден завещать свои владения, в том числе и наследственные, Византии. В 992 г. Багратид отвоевал Манцикерт, а в 1001 г. скончался. Империя возвратила территории ранее принадлежавших ей феи и получила Апахуник, тогда как наследственные владения Давида в Тао были переданы в пожизненное владение царю Грузии Баграту III. Параллельно Багратид захватил или получил по наследству владения своих родственников в Кларджети, Шавшети, Тао и Джавахети (1008-1011).

В 1021/1022 гг. Василий II отвоевал у сына и наследника Баграта III Георгия I владения Давида Куропалита, уступленные его отцу в 1001 г. Тогда то Скилица и называет Георгия I архонтом "Более Внутренней Иверии", то есть Грузии. В дальнейшем, вплоть до присоединения Ширакского царства армянских Багратидов в 1044 г., фея существенно не расширялась.

Судя по сообщениям хронистов и сфрагистическим данным, в рам-

ках "большой" фемы Иверия и после 1022 г. продолжали существовать "малые" фемы, как воссозданные, так и созданные вновь. В любом случае, территориально Иверия не сводилась только к Тао, будучи значительно более обширной. Как следствие, Внутреннюю Иверию следует искать внутри "большой" фемы, но не вне ее. Поэтому и иверское войско, распущенное Сервлием, было войском фемы Иверия. А так как население фемы было смешанным, и ее населяли грузины, армяне и арабы, то и иверийское войско никогда не состояло лишь из армян-халкедонитов.

К.Юзбашян датировал реформу Сервлия 1042-1044 гг., до присоединения к Иверии территории царства армянских Багратидов, полагая, что на территории последнего "в столь короткое время не могли быть внедрены традиции византийского фемного ополчения". Справедливость данной точки зрения подтверждают и сведения источников, отмечающих действия армии уже аннексированного империей Ширакского царства в 1045 г., но не фемных контингентов Иверии. Так как дата реформы вполне обоснованна, то искать Внутреннюю Иверию следует в рамках "большой" фемы в границах 1044 г. Какие ее районы могли "примыкать" к Манцикерту? Это явно не наследственные земли Давида Куропалата, расположенные севернее, но не сводимые лишь к Тайку. Ближе к Манцикерту расположены "малые" фемы, существование которых фиксируется с 976 г. Можно предположить, что куратория Внутренняя Иверия включала в себя императорские имения расположенные в Феодосииполе, Арцне, Мардали.

По-видимому, окончательный ответ на поставленные вопросы даст публикация новых моливдовулов Михаила Катафлорона, о существовании которых в музейных собраниях ныне известно.

Романчук А. И.
Екатеринбург

К ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ХЕРСОНИТОВ

Выявление общих тенденций развития культуры применительно к тому или иному региону Византии, ее компонентов в границах отдельного замкнутого социума является одной из сложнейших задач исторических штудий. Вместе с тем представления о проявлении характерных (в целом) черт культуры того или иного периода в конкретной городской среде позволяют представить, как территориальные особенности (удаленность или близость к центру, соседство с другими народностями и другие) оказывали влияние на формирование микромира, с одной стороны, создаваемого обитателями конкретного поселения, с другой -- и воздействующего на каждого из живущих в этом микромире. Для горожан границами его являлись оборонительные стены, очерчивавшие и защищавшие территорию, в рамках которой формировался индивидуум.

Восстановление облика систематически раскапываемых городских центров (к их числу относится Херсонес) позволяет отчасти представить территориально-материальную среду обитания, духовный же аспект, не отраженный в археологических источниках, исчезает фактически бесследно.

Материалы из раскопок Херсонесского городища свидетельствуют о длительном сохранении в структуре городской застройки тех принципов, которые сформировались к VI в.: следование принципам гипподамовой системы, отсутствие крупных производственных комплексов в черте жилой застройки, сохранение до XI в. базиликальных храмов. Вместе с тем в IX-X вв., как и в других районах Византии, развивалась крестово-купольная архитектура, а с XII-XIII вв. микроцентрами культовой жизни становятся квартальные храмы-усыпальницы в сочетании с доминантой центральной городской площади, к которой в большинстве случаев "тяготел" сооружаемые в поздневизантийское время храмовые комплексы (базилика XII-XIII вв., раскопки А. В. Сазанова; храм № 21, XIII в.). В период раннесредневекового строительства храмы были рассредоточены по всей территории

города, образуя своеобразные композиционно-архитектурные оси.

Отход в поздневизантийское время от античных традиций привел к размещению в городской черте производственных сооружений - гончарных печей, в некоторых случаях сосредоточенные в одном или двух соседних кварталах. Изменения, произошедшие во внутриквартальной застройке, размерах и облике домов, для всего византийского периода не прослеживаются из-за состояния источников, но для XIII-XIV вв. имеются материалы, позволяющие отметить особенности формирования отдельных городских районов (Северного, северо-восточного - вдоль главной уличной магистрали, портового). Несмотря на некоторые отличия в размерах домов и их этажности, площади дворов, для всех изученных в настоящее время участков Херсонеса характерны общие принципы строительства и наличие канализации.

Набор керамических сосудов также показывает некоторую унифицированность жизни, различия же между инвентарем домов отдельных районов прослеживаются прежде всего в количестве художественных изделий (блюда с сюжетными рисунками, стеатитовые иконы). В свою очередь, блюда с изображением воинов, львов в геральдической позе, сцен терзания грифоном лани свидетельствуют о высоком художественном вкусе херсонитов, стремящихся иметь подобные сосуды в каждом доме.

В числе изображений на сосудах встречаются также рисунки птиц, диких животных; сюжеты же, связанные с морем (рыбы, например), единичны. Вероятно, это обусловлено общей модой и традицией. Другое дело те памятники "народного творчества", которые отражают потребности художественного выражения жителей Херсона - это рисунки на сосудах и блоках из кладки домов (корабли, схематические изображения людей, XIII в.).

Граффити на амфорах и других сосудах позволяют судить о распространенности грамотности: буквенные знаки и монограммы преобладают над геометрическими фигурами. При этом следует отметить, что больший процент буквенных знаков встречен на керамике XIII-XIV вв.

Возможно, соседство с номадами отразилось в использовании образа всадника как метки на черепице (наряду с буквенными). В данном случае необходимо подчеркнуть, что функционально буквенные или "рисунчатые" метки не отличались, а время на "изготовление" рисунка требовалось больше, чем буквы; на крыше же метка вообще

не видна, следовательно, не важно каким был рисунок.

Наличие свободного времени у херсонитов, которое использовалось для выражения художественных потребностей, высокий уровень грамотности в поздневизантийское время, вид жилой застройки и инвентарь домов (устанавливаемый по слоям разрушения XIII и XIV в.) не согласуется с традиционным выводом о том, что облик Херсона в последние века его существования был скорее деревенским, нежели городским (А.Л.Якобсон). К сожалению, сравнить проявление названных выше черт, отчасти характеризующих "культурное состояние и среду" горожан, для всего византийского периода не представляется возможным из-за отсутствия целостных археологических комплексов.

А. В. Белий

Бахчисарай

"ПЕЩЕРНЫЕ ГОРОДА ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА И НЕКОТОРЫЕ ТВОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ УРБАНИЗАЦИИ ТАВРИКИ

Проблема возникновения средневековых городов Таврики самым тесным образом связана с изучением своеобразных архитектурно-археологических памятников Юго-Западного Крыма, условно называемых "пещерными городами" (Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Кыз-Кермен, Тепе-Кермен, Бакла и др.).

Поиски корней этого уникального культурно-исторического феномена привели исследователей к двум основным принципиально различным выводам относительно их происхождения:

1) скрывающиеся под загадочно-романтическим названием укрепленные поселения - военно-политические опорные пункты Византии на подступах к Херсону, главному форпосту империи в Северном Причерноморье;

2) объединенные этим собирательным термином средневековые памятники появились в результате зарождения и развития феодальных отношений у автохтонного населения Таврики, поэтому они одновременны и различаются типологически (города, замки, сельские поселения и монастыри).

Автор последней концепции Е.В.Веймарн выделил четыре поселения городского типа : Эски-Кермен, Мангуп, Кыз-Кермен и Чуфут-Кале. В.Е.Рудаков добавил к ним Баклу, а В.Л.Мыц - Тепе-Кермен, Инкерман и Сюреньскую крепость.

Вопрос о роли "пещерных городов" в процессе урбанизации вызвал острую и продолжительную дискуссию, одна из причин которой заключается в отсутствии разработанной методологической основы и стройной системы критериев дефиниция города (почти во всех затрагивающих эту тему работах).

Таким образом, выяснение обстоятельств и времени возникновения средневековых городов Юго-Западного Крыма затрудняется не только недостаточной изученностью археологических реалий (при почти полном молчании письменных источников), но и слабой разработкой исходных теоретических положений исдели генезиса феодальных отношений в Таврике.

Для раскрытия ключевого в разрезе нашей темы понятия города в эпоху раннего средневековья фундаментальное значение имеют работы М.Я.Сююмова. В силу асинхронного развития отдельных регионов этот переход осуществлялся тремя основными путями: на базе разлагавшегося рабовладельческого строя (Византия), посредством синтеза романских и варварских традиций (например, государство франков) и "бессинтезным" (у восточных славян и других народов).

Даже предварительный исторический анализ переходного этапа в Юго-Западной Таврике показывает, что здесь сосуществовали и взаимодействовали элементы двух первых форм трансформации общества; их олицетворяют: сохранивший континуитет государственного управления византийский Херсон и возникшие в иной этно-политической обстановке "пещерные города". Интеграция компонентов различных общественных структур в специфических природных условиях юго-западного предгорья привела к форнированию самобытной синкретической средневековой культуры, синтезировавшей провинциально-византийские и местные особенности. Именно на этом историческом фоне, очевидно, характерном и для других периферийных провинций Византии на границе с варварским окружением, складывались предпосылки для возникновения "новых", ставших после распада империи центрами автономных государственных образований, феодальных городов.

Залеская В.И.

С. - Петербург

**О НОРМАНАХ В КРЫМУ ПО ДАННЫМ ИНВЕНТАРЯ ОДНОЙ ИЗ ГРОБНИЦ
ПРЕДТЕЧЕНСКОЙ ЦЕРКВИ В КЕРЧИ**

Приморские города-эмпории Восточного Средиземноморья издавна отличались этнически пестрым составом населения. Среди иноземцев были как выходцы из крупных городов метрополии, - Константинополя, Фессалоники, - так и торговцы и воины из дальних земель, простиравшихся на восток, запад и север от собственно границ империи. Одним из свидетельств присутствия северных пришельцев-норманнов в Таврике является находка столетней давности в Керчи. В собрании Эрмитажа хранятся четыре предмета, происходящие из раскопок К.Е.Думберга в Керчи, обнаруженные в 1895 г. в одной из гробниц при постройке придела церкви Иоанна Предтечи. Эта до сих пор не публиковавшаяся находка состоит из голубой фаянсовой бусины, части дужки серебряной серьги с бирюзовой вставкой, стеклянного браслета и янтарного крестика с гравированным изображением Распятия. Атрибуция перечисленных предметов приводит к любопытным выводам об этнической принадлежности их владельца и о возможных обстоятельствах попадания этих материалов в Керчь.

Браслет зеленоватого стекла с петельчатым налетом по периметру принадлежит к определенному типу восточно-средиземноморских изделий, распространившихся в исламском мире с X в. Они представлены находками в Тунисе (Кайруан, Раквада), в Египте (Фустат), в Сирии (Аль-Мина), в Месопотамии (Самарра), в Армении (Двин), в Малой Азии (Милет). Подобный же декор наличествует на некоторых фрагментах византийского стекла из Коринфа, датируемых XI - XII вв. Приблизительно к тому же времени относится голубая фаянсовая бусина и серьга с бирюзой, имеющие параллели среди ближневосточных, прежде всего иранских ювелирных изделий.

Янтарный крестик с распятием уникален. Среди большого количества древнерусских, польских и литовских изделий из янтаря (см. свод Р.Л.Розенфельда "Янтарь на Руси (X - XIII в.)" нет ни одного с фигурным изображением. Привозившийся на Русь янтарь Балтийского побережья в результате торговых предприятий купцов-руссов, ис-

пользовавших Волжский путь на Восток, достигал Хазарского каганата и связанных с ним караванными путями южных территорий. Кроме керченского креста из старых раскопок, в настоящее время известен только предмет с фигурным изображением - янтарный медальон с вырезанным на нем ликом, возможно, "Христос на плате", найденный в Звенигороде, в слое XI - XII вв. (И.К.Свешников. Отчет о раскопках 1987 г.).

Сцена распятия, западная по стилю и иконографии, прямых аналогий не имеет. Над головой Христа помещены гравированные вертикальные штрихи. Эта необычная для византийских и для романских памятников иконографическая деталь может напоминать условное изображение сводов Святогорского храма, каким он представлен на паломнических ампулах крестоносцев с изображением Гроба Господня в Иерусалиме. Но возможны и другие сопоставления - с поминальными стелами Скандинавии, на которых арка из штрихов-лучей, помещенная над сценой въезда в Вальхаллу, загробный чертог павших воинов, символизировала божественное сияние. С утверждением к 1100 г. христианства сцену приветствия павшего заменил крест. Наличие описанной иконографической детали дает определенные основания считать керченский крестик принадлежавшим оказавшемуся в Крыму варягу.

Поводов для присутствия на берегах Черного моря норманнов на протяжении X - XI вв. было несколько. В составе славяно-русского войска варяги, совершавшие походы, как в пределы Византии, так и к берегам Каспия (в Абескун и Бердаа), не менее четырех раз побывали на берегах Боспора Киммерийского. Основываясь на приблизительной датировке предметов из захоронения у Предтеченской церкви, представляется наиболее вероятным, что их владелец волею судеб мог оказаться на Боспоре именно в результате похода 1043 г.

Крамаровский М.Г.

С. - Петербург

МАВЗОЛЕИ И ЗИЯРЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО СОЛХАТА

Средневековый Солхат-Крым с момента своего основания в XIII в. состоял из кварталов трех общин: христианской, иудаистской и мусульманской. С начала XIV в. рост исламской общины делает город преимущественно мусульманским (Крамаровский, 1989, с. 141-157). Территориальное соотношение между общинами, видимо менялось на что косвенно указывает сообщение Эвлии Челеби о том, что в середине XVII в. в городе оставалось всего шесть не мусульманских кварталов, пять из которых принадлежали грекам и армянам и один евреям. Изменение межобщинных границ, динамика которых нам неизвестна, делает вопрос о мавзолеях интересным по нескольким направлениям. С точки зрения микротопографии средневекового города, чья уличная сеть практически утрачена, выявление исламских доминант - шаг в изучении внутриквартальной застройки. С ними, исламскими учреждениями - мечетями, медресе, странноприимными домами (текие, ханака, ханкага), мавзолеями (дюрбе), которые несли и определенные гражданские функции, связан, особенно с двумя последними, институт зияретов - святых мест. В XVII в. таковых в городе четыре: зиярет дервиша Хараби (из легенды о запустении Эски-Крыма известно, что дервиш Хараби похоронен около могилы благочестивого старца Шейха Кемалья, о деятельности которого сообщается в "Летописи Кипчакской степи" (Зайончковский, 1969, с. 16), зиярет Чобан-ата, расположенный на базаре, зиярет Алемдар-султана - у ворот Акри, зиярет Пинчели-баба около городской баши (Эвлия Челеби, т. VII, с. 666). Ни одно из святых мест не имеет сегодня реальной привязки на картах города, учитывая однако, что еще в прошлом веке в памяти мусульман Эски-Крыма наибольшей известностью пользовались два ханкага Кемаль-ата и Чобан-ата (Смирнов, 1887, с. 661), и что имена легендарных братьев-дервишей сохранились в названиях оврага и холмов на картах города XVIII в., можно предположить, что места как минимум двух зияретов в северо-западной и северо-восточной части городища поддаются реконструкции.

В 1991-93 гг. в северо-западном секторе городища на холме Кемаль-ата археологической экспедицией Эрмитажа обнаружен и изучен безиняный навзоль второй четверти XIV в., который в XVII в. мусульмане Эски-Крыма, возможно, отождествляли с захоронением легендарного Кемаль-ата деде.

Сооружение сохранилось на уровне нижних кладок и состояло из двух помещений: южного размером 9,0 x 5,0 м., и северного размером 10,7 x 10,7 м.; общая площадь сооружения по внешнему контуру ок. 159,5 кв.м. (соответственно, полезная площадь южного компартиента 18 кв.м. (4,0 x 4,5 м.), северного - ок. 36 кв.м. (6,0 x 5,9 м.).

Помещения на уровне пола центрального зала (северный компартиент) разделяла глухая перемычка толщ. 2,5 м.; толщ. стен ок. 2,5 м. характерна для всего северного помещения, в то время, когда стены южного имели разные толщины: западная - 2,35 м., восточная - 2,15 м., южная - 1,1 м. Кладка стен велась из крупных блоков известняка методом панцирной кладки на известковом (за исключением южной стены) растворе. Под полом северного зала Мавзолея расчищена погребальная камера (4,5 x 4,5 м) с отметкой пола - 3,4/3,43 м. от 0; ее дно выстлано плоским кирпичем. Вход в погребальную камеру осуществлялся через специальный проем в восточной стене северного помещения; учитывая толщину стен и выкладку камней на уровне материка, предшествующую входу, можно сказать, что в погребальную камеру вел коридор длиной 4,3 м и шириной 1,25 м. На полу камеры обнаружено множество костных остатков погребенных, располагавшихся крайне неравномерно на площади более 20 кв. м.; всего здесь обнаружено не менее 14 костяков, ни один из которых не дошел в анатомическом порядке; часть костных остатков расчищена в коридоре восточного прохода. Места скопления останков выделялись по пятнам органического тлена с остатками гробовиц (кустки дерева, фрагменты алебастровой обвязки, гвозди). В геометрическом центре камеры обнаружен хорошо отесанный блок известняка 0,8 x 0,2 x 0,2 м., ориентированный по оси С.-Ю. Только в заполнении северного компартиента обнаружены фрагменты поливных изразцов с полихромной росписью и легким рельефом; эта группа изразцов выполнена из кашина и имеет хорошие аналогии в золотоордынском материале Поволжья XIII - XIV вв. Фрагменты изразцов с бирюзовой поливой и наполнителем из хорошо обожженной красной глины найдены

по всему раскопу и за его пределами, что, вероятно, указывает на их использование в декоре экстерьера, предположительно, купола мавзолея. Строительство мавзолея велось в три этапа: к первому относится закладка фундаментов и возведение основных стен; на втором этапе между восточным и западным пилонами была встроена южная стена южного помещения, замкнувшая пространство компарти-мента (стена сложена на глине, без перевязок с пилонами, снаружи промазана известковым раствором); на третьем этапе к ложной стенке южного "помещения" приставлено парадное крыльцо с площадкой в 3 кв.м., к которому вело пять ступеней.

Для датировки мавзолея помимо стратиграфических наблюдений, изразцов XIII - XIV вв. важны монетные находки (три золотоордынских пула). Наиболее важна монета, найденная на полу коридора, ведущего в погребальную камеру: пул чеканен в гор. Крым, без даты, но по типу относится к монетам второй половины XIV в. (определение М.Б.Северовой). Можно предположить, что мавзолей построен около середины XIV в. и в 1346/1347, когда в городе свирепствовала пандемия, мавзолей стал последним прибежищем для наиболее почтенных граждан мусульманской общины.

Второй мавзолей обнаружен экспедицией в 1978 г. и раскопан в 1985 г. (Крамаровский, 1987, с. 131, 132). Он датируется на основании монет Баязита I и Тохтамыша началом XV в. Обращает на себя внимание находка замкового камня из арочной конструкции (вероятно, принадлежащей порталной части мавзолея). В прямоугольном картуше лицевой стороны камня высечена двустрочная надпись: "Ахунд ибн Осман аль-Ирбили" (чтение А.А.Иванова). Не исключено, хотя на этом нельзя настаивать, что Махмуд ибн Осман - строитель (в значении "ме'мар" или "бенна", т.е. "архитектор-практик") этого сооружения.

Оба новооткрытых мавзолея принадлежат одному типу однокупольных мавзолеев, упрощенно повторяющих структуру среднеазиатских позднесредневековых усыпальниц. Сравнение солхатских мавзолеев с мавзолеем XV в. дочери Тохтамыша на Чуфут-Кале показывает, что за пределы Восточного Крыма золотоордынская традиция строительства однокупольных мавзолеев не перешагнула: чуфут-калинское дюрбе повторяет тип малоазиатских.

Отарила О.В.
С.-Петербург

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ И ДАТИРОВКИ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ СВЕ- ТИЛЬНИКОВ ИЗ КОПТСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ЭРМИТАЖА

Коптская коллекция Эрмитажа включает около 500 изделий из металла как светского, так и культового назначения (чаши, светильники, кресты, фигурки животных и др.).

Эти вещи привезены В.Г.Боксом из Египта в 1898 г., отражая несколько периодов в развитии египетского искусства I - XIII вв.: греко-римского, коптского и мусульманского.

Для изучения избрана группа - около 30 светильников, форма которых явно восходит в античному типу. Она подразделяется на 3 класса: римский, средиземноморский и коптский.

Для первой группы характерна определенная форма, распространение которой приходится на первый век.

Вторая группа берет за образец эллинистический тип светильника овальной формы.

Форма коптской лампы еще больше вытягивается, приобретая форму "туфли".

Данные о центрах производства как римских, так и коптских светильников отсутствуют. Тем не менее, находки в Мемфисе позволяют предположить существование центра в Александрии и Понпях.

Среди мемфисской коллекции форм для изготовления изделий из бронзы и терракоты найдены формы, ориентированные на греческих и египетских заказчиков. Преобладание греческих типов для отливки изделий из бронзы над египетскими свидетельствует об основной массе заказчиков среди греческого населения.

Процесс экспорта штампов, начинающийся с эллинистического времени продолжает иметь место и в IV - начале V в. Каждый регион приобретает свою специфику, вырабатывая свой излюбленный тип светильника с характерными декоративными мотивами: для Египта - лампы в форме птицы, в Италии в форме грифона, в Сирии украшения в виде оленьих рогов, в Херсонесе - лампы с волютами.

Попытка систематизации и датировки коптских светильников проводится на материале коптской керамики, которая, подражая не-

таллическим изделиям, шла сходным путем в своем развитии.

Каковкин А.Я.

С.-Петербург

ШЕЛКА ИЗ ЕГИПТА С РЕДКИМ БИБЛЕЙСКИМ СЮЖЕТОМ

В 1983 г. во французском городке Шелле, в раке св. Флора было обнаружено три небольших куска двухцветных (светло-коричневый и желтый) шелков с фрагментированно сохранившимися фигурными изображениями и остатками греческих надписей. Вскоре шелка были переданы в музей города Шелля.

На первом фрагменте (8,6 x 7 см) представлены женщина и телец, за которым изображено дерево; сверху - нижние части этих же изображений. На втором фрагменте (6 x 5 см) виден телец на фоне дерева. На третьем фрагменте (6,3 x 3 см) сохранилось изображение головы старца и кисть его правой руки; сверху - ступни двух персонажей и ножки стула.

Технические, колористические, иконографические особенности шелков и одинаковая палеография пояснительных надписей на шелках указывали на принадлежность их одному памятнику, выполненному, скорее всего, в V - VI вв. в одном из районов Восточного Средиземноморья. Естественно, что столь редкое произведение шелкоткачества сразу же привлекло к себе внимание специалистов. Основываясь главным образом на именах, сообщаемых надписями, ряд специалистов: Ж.-П.Лапорт (1986 г., 1988 г., 1991 г.), М.Мартиниани-Рейбер (1992 г.), Л.Кётце (1993 г.) - пришли к выводу, что на трех фрагментах воспроизведен библейский сюжет, относящийся к детству пророка Самуила: мать Самуила Анна по обету приводит сына к первосвященнику Илии (I Цар. I: 24-25).

В 1994 г. к шелкам из Шелля обратилась А.А.Иерусалимская. Она убедительно показала, что это продукция египетских мастеров V в., и предложила свое толкование тканых изображений. По ее мнению, на трех фрагментах представлено пять следующих сцен: 1) Благовещение, 2) Благовестие пастухам, 3) Оранта (Испытание водой Марии?), 4) Рождество (?), 5) Введение в храм младенца Христа

(?). На мой взгляд, в предположениях А.А.Иерусалимской есть натяжки логического и иконографического порядка: благовестие пастухам почему-то предшествует испытанию водой, облачению и рождеству Христа; пастухи, как известно, пасли мелкий скот, а не тельцов (каких видим на тканях); нелепа поза оранты в сцене испытания водой; наконец, совершенно непонятно "Введение в храм младенца Христа". К младенческому периоду жизни Иисуса относятся лишь два эпизода, связанных с храмом в Иерусалиме. Первый - обрезание и наречение восьмидневного младенца - сына Девы Марии - Иисусом и второй - встреча в сороковой день жизни Иисуса в храме ветхозаветным праведником Симеоном Богоприимцем и Анной пророчицей.

В вопросе определения сюжета на шелках из Шелля я безоговорочно разделяю взгляды зарубежных коллег. Кроме того, вопреки скептическому мнению А.А.Иерусалимской с невозможности реконструкции представленных на шелках изображений, я, основываясь на сохранившихся фрагментах, предлагаю восстановление сцены целиком. Она на удивление для такого рода памятников точно, до деталей соответствует тексту Библии. Сюжет разворачивается слева направо: в сопровождении мужа Елкана Анна подводит отрока Самуила к сидящему Илию, рядом - жертвенные тельцы.

Значение шелков из Шелля трудно переоценить. Это единственные на сегодняшний день образцы египетского шелкоткачества с изображением очень редкого в христианском искусстве библийского сюжета. Этот памятник (вместе с происходящими из Египта несколькими другими недавно обнаруженными тканями с ветхозаветными изображениями) побуждает пересмотреть бытующее в литературе суждение о слабом отражении в коптском искусстве библийской тематики и убедительно свидетельствует о значительном вкладе коптов в разработку христианской иконографии.

Бармина Н.И.
Екатеринбург

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА
ПРЕБЫВАНИЯ ХАЗАР НА МАНГУПЕ**

Одним из результатов археологического исследования Мангупской базилики стало получение материалов, которые по ряду признаков могут быть обозначены, как хазарские.

В первую очередь к ним относятся различного рода изображения, выполненные в одной технике (сильно или слабо выраженного граффити) и имеющие общую иконографию.

Коллекция этих знаков невелика. Она включает в себя одну костяную поделку с рисунком в виде зон, состоящих из семи "ступеней без вертикального окаймления", двускатное надгробие - на его длинной боковой грани, обращенной к северу, в свое время была сделана прорисовка сразу двух, так называемых, "Вавилонов". Один из них (крайний) отличается достаточно точным исполнением, другой, расположенный чуть левее, некоторой незавершенностью. К этому же собранию относится небольшой (9 x 4 см.) каменный оберег (?). На одной его стороне также представлен "Вавилон", на другой, возможно, "Мировое дерево". На узких боковых и верхних гранях были процарапаны кресты.

К этим же группам материалов может быть отнесена керамическая плинфа (извѣстѣе пола крещальни Мангупской базилики). На ее лицевой поверхности было нанесено клеймо в виде композиции сакральных знаков. По мнению М.А.Тихановой, впервые открывшей полы крещальни, подобные знаки в равной степени близки сарматской символике первых веков н.э. и хазарским аналогам VIII - X вв. Полагая, что техника изготовления самой плинфы и клейма на ней значительно ближе к концу, нежели началу I тысячелетия н.э.

Однако, если это клеймо еще требует тождественных изображений, то такие сюжеты, как "Вавилон", "Ступени" и "Мировое дерево" достаточно хорошо известны. В современной археологической литературе они интерпретируются как четырехчастная горизонтальная и трехчастная вертикальная структура мироздания. Восходя своими корнями к индоевропейской мифологии, подобная модель Вселенной получила развитие у многих народов, в том числе у хазар, запол-

нивших степи Прикаспия и Северного Причерноморья в VII - X вв. Поэтому не случайно, что именно среди хазарского материала в памятниках салтово-маяцкой культуры встречено наибольшее количество близких мангупским находкам примеров такого иконографического выражения понимания системы Мира. Имеются они также в районах Подунавия (Венгрии, Болгарии) и в самом непосредственном соседстве от Мангупа - Херсонесе (например, черепица с клеймом в виде "Вавилона" из усадьбы XIII в. портовой части города).

Таким образом, география хазарской мировоззренческой символики широка. Но главное (в контексте поставленной темы) видится в то, что путь тюркских народов на Запад не миновал городов Юго-Западной Таврики. Они оставили здесь не просто материальные подтверждения своего движения через эти земли, а красноречивые доказательства их длительного проживания и влияния на формирование мировоззрения средневекового населения Крыма, в том числе и Мангупа.

Данный вывод можно подкрепить результатами исследования погребального комплекса Мангупской базилики, при изучении которого и были обнаружены вышеуказанные памятники изобразительного искусства.

В настоящее время на некрополе Мангупской базилики раскрыто 361 грунтовое погребение и 65 гробниц, в которых находилось более 600 захоронений. Судя по тому, что центром формирования погребального комплекса была базилика, можно сделать вывод, что население Мангупа было бесспорно христианизированным. Однако анализ погребальной обрядности показывает, что здесь легко уживались языческие и христианские представления о загробном мире.

Ряд таких признаков, как устройство отдельных гробниц в виде глубоких двурусных шахт с боковыми нишами, с сопутствующим основному погребению захоронения части коня; традиционное применение обряда обезвреживания трупа; использование фрагментов керамики в оформлении могильной ямы и в ритуале погребения; проведение трапез; устройство тризн; нарушение христианской ориентации; присутствие полускорченников; наличие в некоторых случаях погребального инвентаря и т.д. - сближают погребальную практику Мангупа с его хазарскими "родственниками". Это сходство прослеживается в языческих могильниках салтово-маяцкой культуры.

Подобное сочетание христианской базилики и архаической обряд-

ности - яркий пример мировоззренческого синкретизма. Он как бы демонстрирует естественный процесс взаимопроникновения и взаимодополнения хазарского язычества и греческого христианства в сложившихся условиях, и, более того, высокую устойчивость сформировавшихся в результате этого духовных представлений.

Гоголев Д.А.

Тюмень

КРЕПОСТНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД

Наличие в Византийской империи крупных городов является одной из самых характерных черт, отличающих эту страну от других современных ей государств. Города, являвшиеся центрами и экономики, и культуры, в случае войн приобретали важное военное значение. От исхода сражений в районе обороняющихся городов часто зависела судьба отдельных военных кампаний или войн в целом, как и сражений от состояния оборонительных сооружений, от эффективности использования их защитниками. Так как в рассматриваемый период империя почти постоянно находилась в состоянии войны с тем или иным государством, то невозможно было оставить без внимания какой-либо участок обороны, будь то граница или внутренние районы страны.

Территорию империи ранневизантийского времени условно можно разделить на несколько зон: 1. Западное и Северное Причерноморье. 2. Центральные районы Балкан. 3. Малая Азия.

При исследовании ранневизантийской системы укреплений, прежде всего на севере Балкан, нужно учитывать два фактора: внутреннее положение и внешнеполитическую обстановку. Оборонительная система Византии в этом районе состояла из 3-х основных рубежей: Дунайского, Балканского и Странджанского, к которым следует добавить укрепленную Черноморскую береговую линию (Д.Овчаров). Такую плотность можно объяснить близостью столицы империи и большой частотой варварских вторжений с севера. Рубежи обороны представляли собой единую систему, несмотря на их относительную самостоятельность.

На основании археологических данных было установлено, что ранневизантийская система укреплений в этом районе состояла из 3-х типов укрепленных пунктов: больших старых городских центров, малых и средних городов и новопостроенных крепостей. По идее планировки крепостей можно выделить 2 вида укреплений: полностью окруженные крепостной стеной и защищенные ею лишь с уязвимых сторон.

В центральных районах Балкан сложилась иная ситуация. Следует отметить, что возможности археологического исследования здесь затруднены наличием на территории позднеантичных и ранневизантийских центров современных городов.

В Афинах наблюдается процесс увеличения укреплений города, который привел к появлению трех кругов обороны города, причем античная часть города шла внутри укреплений. Обратную ситуацию можно наблюдать в Никополисе Эпирском, где античная часть города осталась вне укреплений.

В рассматриваемый период наблюдается процесс и пространственного перемещения городов, когда уже на новом месте появляются внутренние стены, при помощи которых выделялись и ограничивались наиболее удобные для обороны части города. Многие города, не подвергшиеся такому перемещению, сохраняли свои старые укрепления.

Территория Малой Азии являлась объектом постоянных вторжений, что приводило к активизации крепостного строительства, даже там, где намечалось резкое сокращение укреплений. Оборонительные сооружения у одних городов охватывали часть античной территории, у других - выделялись в крепость. Этим можно объяснить постоянное употребление в источниках термина "кастрон", а не "полис". Отдельным видом укреплений были фрурии - небольшие крепости для защиты границ, где присутствовали обычно лишь сменяющие друг друга гарнизоны.

Анализ крепостного строительства позволяет рассмотреть и такой дискуссионный вопрос как судьба византийских городов в переходный период, а также объяснить причины исчезновения ряда городов в ходе трансформации, вызванной как имманентными, так и внешнеполитическими причинами.

Сазанов А.В.
Москва-Синферополь

ХРОНОЛОГИЯ СЛОЕВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРЧИ

История и археология средневекового Боспора относится к числу значительно менее, чем остальной Крым, изученных регионов. Одной из главных трудностей является отсутствие на сегодняшний день четкой хронологической шкалы для слоев VIII - XII вв. Методически способ решения такой задачи достаточно очевиден. На первом этапе строится эталонная хронология одного или нескольких ключевых памятников, потом с полученными колонками синхронизируются методом корреляции слои других памятников. Такими эталонными памятниками являются Керчь и Тмутаракань.

Средневековые слои Керчи исследовались в 1963-1964 гг. Т.И.Макаровой и в 1990 - 1991 гг. А.И.Айбабиным. Т.И.Макаровой в отчете о раскопках 1963 г. были выделены три строительных периода: VI - VII вв., VIII-IX вв., IX-XII вв. Для синхронизации средневековых слоев различных участков раскопок Керчи мною были взяты все найденные в них предметы, получившие наименование признаков (амфоры, поливная керамика, простая гончарная керамика, стекло и др. - всего 57 признаков) и на их основании по хорошо известной процедуре была составлена корреляционная таблица по соответствующим объектам. В итоге получилась следующая хронология объектов.

Корреляционная таблица комплексов Керчи

Год раскопок	1963 г.		1964 г.		1990 г.
1	2		3		4
Дата	ШТЯК	объект	ШТЯК	объект	объект
Начало XII в.	2	1 мостовая	3-4	1 мостовая; помещение 7	

1	2	3	4
Середина XI в.	3 2 мостовая; помещение II - 2а; помещение 4.	5-6, 7 на улице 2 мостовая, на второй белой вымостке	Участок II помеще- ние 1
Вторая половина X в.	4 Разборка кладки 1 между пом. 1 и пом. под второй мостовой; яма 2 под кладкой 1.	7 под улицей	
Вторая половина IX в.	5-7 Расчистка первого контрафорса; квадраты 3-11, глубина 0,40 м, ниже второй мостовой, западная часть; расчистка продолжения северной стены у пом. 3; к югу от кладки 1; квадраты	7-8 Пом. 8 (крещальня и купель) под белым мощением второй мостовой; пифос и скопление керамики в квадрате 2а.	

1	2	3	4
	3-5, штык 7, глубина 0,30-0,40 м ниже вымост- ки; глубина 0,45-0,60 м ниже вымост- ки 2.		

Таким образом, хронология слоев в Керчи VIII-начала XII в. представляется по периодам следующей:

1. От последней четверти VII в. до первой половины-середины IX в.
2. Середина - вторая половина IX в.
3. Конец IX - вторая половина или последняя треть IX в.
4. Конец X - середина XI в.
5. Середина XI - начало XII в.

Более дробная хронологическая колонка создает основу для последующей синхронизации с ней слоев других памятников Боспора.

Сметанин В.А.,

Екатеринбург

О ВИЗАНТИЙСКОМ ЭПИСТОЛЯРНОМ СПРАВОЧНИКЕ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЙ НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЕ

Городская письменная культура Византии таит немало загадок и сложностей. Эпистолярное наследие римеев как важный ее компонент (поскольку эпистолярный преимущественно-творение горожан) заслуживает дальнейшего исследования на новом качественном уровне. Открытие новой вспомогательной дисциплины эпистолологии как узко

источниковедческого раздела конкретного источниковедения (для подготовки эпистолярия к использованию на этом этапе исторического построения) обуславливает необходимость закрепления ее результатов в специальном справочном издании.

Всилу уникальной внутренней структуры эпистолография представляет отдельный вид письменных источников, требующий специального изучения уже на источниковедческом этапе. Поскольку конкретное источниковедение не решает узкоисточниковедческие задачи эпистолярия, их выявление выпадает на долю эпистологии. Любой византист, обращающийся к письмам, сталкивается с трудностями троякого рода: как вычленить послания из всей совокупности источникового материала; как датировать письма в виду отсутствия даты в большинстве византийских эпистолярных произведений; как раскрыть особенности информационного облика конкретных посланий.

Ключом к разгадке структуры письма служит эпистолярная формула, которая проявляется в трех разновидностях (в виде клише, фразы со стержневым или без стержневого слова). Каждая разновидность может иметь несколько типов. В зависимости от времени архитектурника писем модифицировалась: появлялись новые формулы, наблюдались их афеа или перинтеграция, изменялось число вариантов при сохранении основы формулы, имела место взаимозаменяемость некоторых формул, типы эпистолярной формулы могли занимать неодинаковое место в письме. Продолжительность существования эпистолярных формул (с учетом их разновидностей и типов) была различной. Фиксация повторяющихся эпистолярных формул в письмах конкретного этапа позволяет не только вычленить эпистолярный, но и датировать каждое письмо с учетом времени существования всех формул, встречающихся в посланиях. На основе изучения теории эпистолярного стиля и риторического формуляра раскрываются особенности информационного облика писем. Тем самым справочник включает результаты:

- 1) вычленения всех византийских посланий,
 - 2) их эпистолологической датировки с проверкой на основе конкретно-исторических данных,
 - 3) анализа их информационной специфики.
- Названные изыскания вызовут наибольшие трудности при составлении регеста каждого письма.

Исследования по архитектонике эпистолярия всех без исключе-

ния отрезков византийской истории образуют лишь предварительную стадию подготовки единого справочника. Для реализации замысла в целом потребуются несколько десятилетий.

Значимость эпистолярного ряда осознается все глубже. Постепенно преодолевается априорное восприятие его как безликого компонента риторического наследия. Эпистолярный признается одним из основных источников для некоторых исторических этапов и групп вопросов. В частности, он представляет богатый материал для исследования ромейского менталитета. Многоотомный эпистолярный справочник удовлетворит растущую избирательность византинистов к потребляемой источниковой, в данном случае эпистолярной, информации.

Поляковская М.А.
Екатеринбург

ПРОБЛЕМА ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Определение "городская культура" относится преимущественно к понятийному ряду медиевистики и соответствует культурным реалиям западноевропейского средневековья.

Городская культура в работах медиевистов предстает как некая альтернатива культуре монастырей и дворянских замков, олицетворяя народный пласт культуры в ее бюргерском варианте. Понятие "городская культура", как следует из медиевистских исследований, соотносимо со светской культурой среднего класса.

Реалии Западной и Центральной Европы, начиная с X в., подтверждают постепенное становление нового по сравнению с культурой раннего средневековья типа культуры, сориентированной на психологию и мироощущение горожан.

Городская культура Франции, Англии, а позднее и Германии была отмечена возникновением нецерковных школ и университетов. Изготовление книги постепенно - в отличие от монастырских скрипториев, державших монополию на этот вид деятельности в раннесредневековый период, - становилось ремеслом, рождая к жизни корпорации пергаментариев, художников, переписчиков, изготовителей металли-

ческих застеек. Литература этой эпохи, в отличие от раннесредневековой, в отдельных ее жанрах отражала некий рационализм, житейскую трезвость и расчетливость, большую приземленность, практичность, некоторую долю лукавства и общей мажорности. Чувство любви к женщине обрело более земную окраску. Городской театр, выйдя из стен храмов и церковной ограды, стал символом городского братства. Все эти проявления городской культуры характерны прежде всего для Франции и Англии, в позднее - в силу культурной радиации и локальной модели социального развития - и в соседних странах.

Однако для регионов городской цивилизации (прежде всего Византии) подобный стереотип развития культуры не характерен в качестве тенденции. Явления, связываемые с понятием "городская культура", здесь не были альтернативой остальной культуре, ибо Византия, как и Италия, изначально были очагами культуры, рожденной в городе. Но в силу того, что позднеантичный город, лежавший у истоков византийской цивилизации, явно не адекватен средневековому городу Западной Европы XI - XIII вв., понятие, применяемое к средневековой Западной Европе, "не накладывается" на Византию. Не случайно в трехтомном коллективном исследовании по культуре Византии (М., 1984 - 1991) это понятие не входило в научный инструментарий его авторов. Правда, в заключении ко второму тому содержится замечание о присущих византийской культуре XI - XII вв. предренессансных явлениях, в которых видно проявление "ростков свободомыслия, рационализма, идей социального протеста, сомнения в незыблемости ряда религиозных догматов, критика монашеских идеалов аскетизма и смирения" (С. 634). Будучи изолированной от контекста книги, эта фраза могла бы подтвердить наличие в Византии пласта культуры, созвучного западноевропейской городской культуре. Однако известно, что эти идеи не составляли какого-то альтернативного слоя культуры, а были имманентно присущи "высокой" византийской литературе и тем более не были бюргерскими (в западноевропейском смысле того слова) по происхождению.

Исследователи византийской культуры пользуются обычно такими ее определениями, как классическая, элитарная, аристократическая, столичная, народная. Может быть стоит искать проявления так называемой городской культуры в народном ее пласте? Однако имеющиеся исследования по народной литературе, начиная с монографии Г.-

Г.Бека (1971), выделяют лишь ее языковое, а не мировоззренческое отличие. Конечно, если среди сочинений "среднегреческой литературы на народном языке" (Я.Н.Любарский) выделить жанр сатиры, то можно отметить присущую ему атмосферу насмешек и лукавства, которая в сочетании с некоторой карнавальностью, могла бы напомнить западноевропейские фавлю, но, с другой стороны, в нем не меньше язвительности древних греческих басен. Византийская сатира, вероятнее всего, окажет некоторое воздействие на западный плутовский роман и фацеции нового времени (Т.В.Попова), сама не являясь "бюргерским" явлением.

Пожалуй, из византинистов только И.П.Медведев пользуется понятием "городская культура". Обратимся однако к его определению этого понятия: "Византийская городская культура - это культура по преимуществу письменная и книжная, для которой характерны относительно широкое распространение грамотности среди горожан, достаточно обширный круг читателей, который отнюдь не ограничивался аристократической элитой, сосредоточение книг в городах, складывание публичных городских библиотек... распространение частных библиотек... и как результат образование у горожан специфического "книжного мышления" (сб. "Городская культура". М., 1986. С. 9). Существенным компонентом византийской городской культуры И.П.Медведев считает правовое образование. Т.е., по сути дела, мы видим иное, нежели у медиевистов, наполнение понятия, связываемого исследователем прежде всего с более высоким, чем на Западе, общим уровнем грамотности городского населения, уровнем, прослеживаемым, начиная с ранних веков византийской истории. Хотя для культуры западноевропейского средневекового города тоже присущ интерес к книге и повышение уровня грамотности, начиная с XIII в., но там это было связано со взрывом урбанизации, принесшим и новое мироощущение. Для Византии же эти процессы не характерны.

Понятие "городская культура", применительно к Византии, можно было бы сравнить по генетическому набору с культурой итальянских городов, если бы последняя не существовала - в отличие от авторитарной Византии - в условиях политического полицентризма (порой республиканского толка), что определило бóльший демократизм этой культуры.

Итак, византийская культура, будучи изначально городской, подвергшись в отдельных жанрах последующей медиевации с чертами

огрубления, не была однако пронизана особым бюргерским мировосприятием, поскольку византийское общество в силу особенностей исторического развития не испытало присущей для Западной Европы X - XI вв. урбанистической "революции". Городская византийская культура не была ориентирована на средние городские слои, не была образцом некоей "массовой культуры"; нормой ее был "высокий стиль" (И. Шевченко). Что же касается византийского фольклора, то он не был проявлением "новой культуры", несущей обществу принципиально новое мировоззрение.

Бармина Н.И.	Археологические свидетельства пребывания хазар на Мангупе	34
Белый А.В.	"Пещерные города" Юго-Западного Крыма и некоторые теоретические аспекты проблемы урбанизации Таврики	24
Гоголев Д.А.	Крепостное строительство в ранневизантийский период	36
Залесская В.Н.	О норманнах в Крыму по данным инвентаря одной из гробниц Предтеченской церкви в Керчи	26
Заливалова Л.Н., Лебедева Г.Е.	Александр Петрович Рудаков и его время: (К изучению творческой биографии историка)	15
Каковкин А.Я.	Шелка из Египта с редкими библейскими сюжетами	32
Козлов А.С.	Понимание ортодоксии в законодательстве IV века	7
Кранаровский М.Г.	Мавзолеи и зияреты средневекового Солхата	28
Красиков С.В.	Мегаполис в "Римской истории" Никифора Григоры	10
Ошарина О.В.	К проблеме классификации и датировки металлических светильников из коптской коллекции Эрмитажа	31
Поляковская М.А.	Проблема городской культуры в контексте средневековья	42
Романчук А.И.	К истории материальной и духовной культуры херсонитов	22
Сайко Э.В.	Внутренние и внешние факторы в сложении городской культуры: (В кругу византийского влияния)	3
Сазанов А.В.	Хронология слоев средневековой Керчи	38
Сметанин В.А.	О византийском эпистолярном справочнике как перспективной научной проблеме	40
Степаненко В.П.	Михаил Катакалон, императорский куратор Манцикерта и Внутренней Иверии: (К струк-	

туре "Большой" фемы Иверии)	19
Степанова Е.В. К вопросу о Судакском архиве печатей . . .	13
Чекалова А.А. Образ византийской аристократки нача- ла VI в.: (Юлиана Аниция и ее эвергетичес- кая деятельность)	9
Ченцова В.Г. Торговые связи городов Греции в XIII-XIV вв. по данным просопографии венецианского купечества	5
Шандровская В.С. Что известно о Протевонах?	12

Подписано в печать 11.05.95. Формат 60 x 84 1/16.
Печать офсетная. Усл.- печ.л. 3,0. Усл.- изд.л. 3,18
Тираж 100. Заказ N 200. Бумага писчая N 1.

Типолаборатория УрГУ. Екатеринбург, пр. Ленина, 51